

Плетельщица стульев / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Плетельщица стульев / рассказ ПЛАТЕЛЬЩИЦА СТУЛЬЕВ

Леону Энник.

Обед по случаю открытия охоты у маркиза де Бертан подходил к концу. Одиннадцать охотников, восемь молодых женщин и местный врач сидели за большим ярко освещенным столом, уставленным цветами и фруктами.

Заговорили о любви, и тут поднялся спор, вечный спор о том, можно ли по-настоящему любить несколько раз в жизни, или только однажды? Приводились примеры людей, у которых была только одна великая любовь; рассказывали также и о людях, любивших сильно и часто. Мужчины вообще утверждали, что страсть, как и болезнь, может поразить человека несколько раз и поразить насмерть, если перед нею возникает какое-нибудь препятствие. Против такого взгляда трудно было спорить, однако женщины, подкреплявшие свои мнения больше поэзией, нежели фактами, утверждали, что любовь, великая любовь, может выпасть смертному только однажды, что эта любовь подобна удару молнии и что сердце, тронутое ею, бывает настолько опустошено, разгромлено, испепелено, что никакое другое сильное чувство и даже никакая мечта о любви уже не могут возродиться в нем.

Маркиз, человек много любивший, горячо оспаривал этот взгляд.

— А я утверждаю, что можно любить не раз — со всей страстью и от всей души. Вы приводите мне в пример людей, покончивших с собою из-за любви, и видите в этом доказательство невозможности новой страсти. Я отвечу вам, что если бы они не имели глупости покончить с собою — что отняло у них всякую возможность рецидива, они бы выздоровели и любили бы вновь, опять и опять, до самой своей естественной смерти. Про любовников можно сказать то же, что про пьяниц. Кто пил — будет пить, кто любил — будет любить. Это — дело темперамента. Третьею судьей избрали доктора, старого парижского врача,

удалившегося в деревню, и попросили его высказаться.

Но по этому вопросу у него не было определенного мнения.

– Это дело темперамента, как сказал маркиз; я же лично знал одну страсть, длившуюся непрерывно пятьдесят пять лет и окончившуюся только со смертью.

Маркиза захлопала в ладоши.

– Как это прекрасно! И какое блаженство быть любимым таким образом! Какое счастье прожить пятьдесят пять лет окруженным такой неустанной и проникновенной любовью! Как должен быть счастлив и благословлять жизнь тот, кого так любили!

Доктор улыбнулся:

– Вы действительно, сударыня, не ошиблись: любимым был мужчина. Вы его знаете, это господин Шукке, деревенский аптекарь. Что же касается женщины, то вы также знали ее: это старая плетельщица соломенных стульев, приходившая в замок раз в год. Но постараюсь говорить яснее.

Восторг женщин умерился, а их лица, выражавшие отвращение, как бы говорили: «фи!», – словно любовь должна разить только утонченные и изысканные существа, единственно достойные внимания порядочных людей.

Доктор продолжал:

– Месяца три тому назад меня позвали к этой старушке, к ее смертному ложу. Она приехала накануне в повозке, служившей ей домом и запряженной клячей, которую вы знаете, в сопровождении двух громадных черных собак – ее друзей и сторожей. Кюре уже находился у нее. Она попросила нас быть ее душеприказчиками и, чтобы мы уяснили себе смысл ее последней воли, рассказала нам всю свою жизнь. Я не знаю ничего более необычайного и потрясающего.

Отец ее был плетельщиком стульев, и мать также была плетельщицей. Ей никогда не приходилось жить в доме, неподвижно стоявшем на земле.

Девочкой она бегала где попало, в рубище, грязная, запущенная. Ее родители останавливались где-нибудь у околицы, на краю рва; повозку отпрягали, лошадь паслась; собака спала, положив морду на лапы; девочка валялась в траве, пока отец и мать под тенью

придорожных вязов чинили старые стулья со всей деревни. В этом походном жилище никто не разговаривал. Обменявшись несколькими необходимыми словами, чтобы решить, кто обойдет дома с обычным криком: «Стулья чинить, стулья плести!», – начинали сучить соломой, сидя рядом или друг против друга. Когда девочка отходила слишком далеко или затевала игру с каким-нибудь деревенским мальчишкой, гневный голос отца призывал ее обратно:

– Иди сюда сию же минуту, беспутная!

То были единственные нежные слова, которые она слышала.

Когда девочка подросла, ее стали посылать по домам за сбором дырявых стульев. Тогда у нее завязались кое-где знакомства с мальчиками, но в этих случаях родители ее новых друзей грубо призывали своих ребят:

– Сейчас же иди сюда, сорванец! Чтобы я не видела тебя болтающим с этой босячкой!..

Мальчики часто бросали в нее камнями. Когда хозяйки давали ей несколько су, она тщательно их припрятывала.

Однажды – ей было тогда одиннадцать лет, – будучи в здешних краях, она встретила за кладбищем маленького Шуке, который плакал, потому что товарищ отнял у него два су. Эти слезы маленького буржуа глубоко потрясли ее: он принадлежал к тому кругу детей, которые, по мнению, сложившемуся в бедной головке обездоленной девочки, должны быть всегда довольны и счастливы. Она подошла к нему и, узнав причину горя, сунула ему в руку все свои сбережения – семь су, которые он, конечно, и взял, отирая слезы. Тогда, обезумев от радости, она осмелилась поцеловать его. Он был занят разглядыванием монет и не протестовал. Видя, что ее не бьют и не отталкивают, она поцеловала его еще раз и обняла его крепко, от всего сердца. Затем она убежала.

Что происходило в этой несчастной голове? Привязалась ли эта бедняжка к малышу за то, что пожертвовала ему все свое богатство, или за то, что отдала ему свой первый поцелуй любви? Это всегда тайна, будь то дети или взрослые.

Целые месяцы мечтала она впоследствии об этом уголке кладбища

и о мальчике. В надежде увидеть его снова она обкрадывала родителей, стараясь поживиться хотя бы одним су то здесь, то там, на починке стульев или на покупке провизии.

Когда она вернулась в эти места, у нее было накоплено уже два франка, но ей удавалось видеть чистенького маленького аптекаря только издали, за окнами отцовской аптеки, между красным стеклянным шаром и банкой с солитером.

Она полюбила его за это еще больше, так как была увлечена, взволнована, восхищена великолепием цветной воды, ореолом сверкающего хрусталя.

Она бережно хранила в себе это воспоминание и, встретив мальчика через год, когда он играл в шарики с товарищами позади школы, бросилась к нему, обняла его и поцеловала с таким неистовством, что он заревел от испуга. Чтобы утешить его, она отдала ему свои деньги: три франка двадцать сантимов, целое состояние, на которое он глядел, вытаращив глаза.

Он взял деньги и позволил ласкать себя сколько ей было угодно. В течение четырех лет она отдавала ему все свои сбережения, которые он старательно прятал в карман, соглашаясь за это на ее поцелуй. Раз это были тридцать су, раз – два франка, раз – всего двенадцать су (она плакала от горя и унижения, но год выдался плохой), а в последний раз – пять франков – огромная круглая монета, при виде которой он удовлетворенно засмеялся.

Она только о нем и думала; он тоже с некоторым нетерпением ждал, когда она вернется, а завидя ее, бежал ей навстречу, и сердце девочки начинало сильно биться.

Затем он исчез. Его отдали в коллеж. Она узнала об этом из осторожных расспросов. Тогда она прибегнула к бесконечным уловкам, чтобы изменить маршрут родителей и заставить их проходить по этим местам во время летних каникул. Это удалось ей, но после целого года всяческих ухищрений. Итак, она не видела его уже два года и едва узнала при встрече: до того он изменился, вырос, похорошел и стал таким важным в мундирчике с золотыми пуговицами. Он сделал вид, что не замечает ее, и гордо прошел мимо.

Девочка проплакала два дня, и с тех пор для нее начались бесконечные страдания.

Она приезжала ежегодно. Она проходила мимо него, не смея ему поклониться, а он не удостоивал ее взглядом. Она любила его безумно. Она сказала мне:

– Это был единственный человек, существовавший для меня на земле, господин доктор; я даже не знаю, жили ли на свете другие люди.

Родители ее умерли. Она продолжала их ремесло, но вместо одной собаки завела себе двух страшных псов, которых все боялись.

Однажды, возвращаясь в эту деревню, где осталось навек ее сердце, она увидела молодую женщину, выходящую из аптеки Шукке под руку с тем, кого она любила. То была его жена. Он был женат.

В тот же вечер она бросилась в пруд, что на площади мэрии.

Пьяный ночной гуляка вытащил ее и отнес в аптеку. Молодой Шукке сошел вниз в халате, чтобы помочь ей, и, словно не узнавая ее, раздел ее, растер и сурово сказал:

– Вы сумасшедшая! Нельзя делать такие глупости! Этого было достаточно, чтобы исцелить ее. Он говорил с ней! Она была надолго счастлива.

Он ничего не пожелал взять в награду за свои хлопоты, хотя она упорно хотела заплатить.

Так протекла вся ее жизнь. Она плела солому, думая о Шукке. Ежегодно видела его сквозь окна аптеки. Привыкла покупать у него запасы домашних лекарств. Таким образом, видела его вблизи, говорила с ним и по-прежнему давала ему деньги.

Как я уже сказал, она умерла нынешней весной. Поведав мне эту грустную историю, она просила передать тому, кого она так терпеливо любила, все свои сбережения, накопленные в течение жизни: ведь она работала лишь ради него, ради него одного, голодая даже, по ее словам, чтобы только откладывать и быть уверенной в том, что он вспомнит о ней хоть раз после ее смерти.

Она передала мне две тысячи триста двадцать семь франков. Когда она испустила последний вздох, я оставил двадцать семь франков г-ну кюре на погребение, а остальную сумму унес.

На другой день я отправился к супругам Шукке. Они кончали завтракать, сидя друг против друга, толстые, красные,

пропитанные запахом аптеки, важные и довольные.

Меня усадили и предложили вишневой наливки; я выпил и растроганно начал говорить, в уверенности, что они сейчас прослезятся.

Как только Шукке понял, что его любила эта бродяжка, эта плетельщица стульев, эта нищенка, он вскочил от негодования, словно она его лишила доброго имени, чести, уважения порядочных людей, чего-то священного, что ему дороже жизни.

Жена, возмущенная не меньше его, повторяла: «Негодяйка! Негодяйка! Негодяйка!», – не находя иных слов.

Он встал и заходил крупными шагами позади стола; греческая шапочка его съехала на одно ухо. Он бормотал:

– Мыслимое ли это дело, доктор? Какое ужасное положение для мужчины! Что теперь делать? О! Если бы я знал об этом при ее жизни, я просил бы жандармов арестовать ее и засадить в тюрьму! И уж она бы оттуда не вышла, ручаюсь вам!

Я был ошеломлен результатом своей благочестивой миссии. Я не знал, что говорить, что делать. Но поручение нужно было выполнить до конца. Я сказал:

– Она завещала передать вам ее сбережения – две тысячи триста франков. Но так как все, что я сообщил, по-видимому, вам крайне неприятно, то лучше, быть может, отдать эти деньги бедным?

Супруги взглянули на меня, оцепенев от удивления.

Я вынул из кармана жалкие деньги – в монетах всех стран и всевозможной чеканки, золотые вперемешку с медными, и спросил:

– Как же вы решаете?

Первою заговорила г-жа Шукке:

– Но если такова была последняя воля этой женщины... мне кажется, неудобно было бы отказаться.

Муж, слегка смущенный, заметил:

– Во всяком случае, на эти деньги мы можем купить что-нибудь для наших детей.

Я сказал сухо:

– Как вам будет угодно.

Он продолжал:

– Так давайте, если уж она вам это поручила; мы найдем способ

употребить эту сумму на какое-нибудь доброе дело.

Я отдал деньги, раскланялся и ушел.

На другой день Шукке явился ко мне и без обиняков сказал:

— Но эта... эта женщина оставила здесь свою повозку. Что вы намерены с нею сделать?

— Ничего, забирайте ее, если хотите.

— Отлично, это мне очень кстати, я сделаю из нее сторожку для огорода.

Он хотел уйти. Я позвал его:

— Она оставила еще старую клячу и двух собак. Нужны они вам?

Он удивился:

— Ну вот еще, что я с ними буду делать? Располагайте ими по своему усмотрению.

И он рассмеялся. Затем протянул мне руку, а я пожал ее. Что поделаешь? Врачу и аптекарю, живущим в одном месте, нельзя ссориться.

Собак я оставил себе. Священник, у которого был большой двор, взял лошадь. Повозка служит Шукке сторожкой, на деньги же он купил пять облигаций железных дорог.

Вот единственная глубокая любовь, которую я встретил за всю мою жизнь.

Доктор умолк.

Маркиза, глаза которой были полны слез, вздохнула:

— Да, одни только женщины и умеют любить!

* * *

Напечатано в «Голуа» 17 сентября 1882 года.

Леон Энник (1852 — 1935) — французский писатель, ученик Золя и участник сборника «Вечера в Медане». Энник дал Мопассану тему повести «Орля».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Neкаýalar